

ноги: „батюшки маи, будьте атцы радные! Вотъ я по вашему, слышъ, взялся лѣчить, ды не выходитъ“. А эвти знахари, знашъ, апять были Христось и Никола Милосливый. Взашли, знашъ, и усмѣхнулись. Усмѣхнулись, знашъ, и гаварять: „ты, слышъ, бо́льна скоро выучился лѣчить-та“. Вотъ, знашъ, Христось-ать взялъ всю её по частямъ перемылъ; перемылъ ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, папржнему, какъ была, и спрыснулъ разъ—ана сраслась; спрыснулъ въ другой—ана, знашъ, пашевелилась; спрыснулъ въ третій—ана, слышъ, встала. Вотъ попъ-ать, знашъ, перекрестился. Ну, слышъ, слава тебѣ, Господи, ужъ вотъ какъ рать, сказать нельзя! „Вазьми, слышъ, знашъ, сказалъ Христось, и атведи её таперь къ атцу. Ды матряй, больше не лѣчи, крѣпко-накрѣпко наказалъ ему, а не то, слышъ, пропадешъ“. Вотъ знахари тѣ, знашъ, Христось-ать и Никола Миласливый пашли са двара, а попъ-ать привелъ её, слышъ, къ атцу. „Вотъ, слышъ, я её излѣчилъ“. Дочь, знашъ, сказала атцу, што ана здорова таперь папржнему. Купецъ ну-ка ево паить, кармить, уговаривать штопъ астался онъ, слышъ, у нево. „Нѣтъ, слышъ, не останусь!“ Вотъ онъ ему, слышъ, денихъ далъ вдоволь, лошасть съ павоскай, и попъ ушъ прямо паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станить.

Чистопольскій у. (Рукоп. 50-хъ годовъ).

156. Баринъ и кучеръ.

Поѣхалъ баринъ съ кучеромъ въ гости къ своему тестю. Кучеръ взялъ съ собой калачъ, а баринъ ничего не взялъ. Вотъ они ѣдутъ. Навстрѣчу имъ попался мужикъ. Они его и спрашиваютъ: „далеко-ли до города?“ Онъ и говоритъ: „если тихо поѣдете, то сегодня доѣдите, а если шибко—не доѣдите“.—Айда, гоняй скорѣй, нечего дурака слушать“, говоритъ баринъ. Вотъ они гнали, гнали лошадей, лошади-то и устали и довелось имъ ночевать въ полѣ. Выпрягли они лошадей. Баринъ легъ спать, а самъ не спить, потому ѣсть хочеть. А Афонька—кучеръ взялъ калачъ, обернулъ сѣномъ и ѣсть. „Ты чево ѣшь?“ спраши-

ваетъ баринъ.—„Сѣно“, говоритъ кучеръ.—„Дап-ка мнѣ“.—„Изволь“. Баринъ взялъ сѣно и говоритъ: „э, мужицкое брюхо! правду говорятъ, что мякиной набито“.—Вотъ поѣхали они дальше. Навстрѣчу имъ попался еще мужикъ. Они его и спрашиваютъ: „далеко-ли до города“?—Онъ имъ и говоритъ: „если тихо поѣдете, то доѣдете; а шибко—не доѣдете“.—„Вотъ дуракъ, мужикъ—гоняй“, говоритъ баринъ. На другую ночь они опять почевали въ дорогѣ. Остановились у старухи, она и накормила ихъ киселемъ.—„Э, какой сладкій, говоритъ баринъ съ голодухи, эй, Афонька, говори всю дорогу: кисель“.—„Гдѣ, баринъ, мнѣ говоритъ: мое дѣло тпру да но, ты ужъ самъ говори“. Баринъ и тростилъ всю дорогу: кисель, кисель, да и забылъ.—„Ахъ, Афонька, забылъ!“ кричитъ баринъ. Кучеръ намѣсто отвѣта и кричитъ: „баринъ, волкъ!“—„Гдѣ?—„Вотъ тутъ около дороги“.--„Чево будемъ мы дѣлать“?—„Лай, баринъ, пособачь!“.—„Я не умѣю“. Кучеръ ему показалъ да и говоритъ: „ты кричи шибче“. Баринъ кричалъ, кричалъ да и попалъ въ тину. Сталъ кучеръ вытаскивать барина и говоритъ: „тина-то какая, ровно кисель“.—„Вспомнилъ теперь, закричалъ баринъ, никогда не забуду. А приѣдемъ мы въ городъ, я буду тамъ говорить: „тюкъ-тюрюрюкъ“, это значить, я ѣсть хочу“.--„Ладно“, говоритъ кучеръ. Вотъ и приѣхали къ тестю. Баринъ и говоритъ: „тюкъ-тюрюрюкъ“. А тестъ и спрашивать: „чево это онъ хочетъ“?—„Баню пужно ему истопить, да пожарче“. Барина выпарили въ банѣ: онъ опять кричитъ: „тюкъ-тюрюрюкъ“.—„Чево ему надо“? спрашивать тестъ.—„Пить хочетъ“, говоритъ кучеръ. Баринъ опять: „тюкъ-тюрюрюкъ“.—„Баринъ спать хочетъ“, говоритъ кучеръ. Ево и уложили спать. Баринъ опять: „тюкъ-тюрюрюкъ“.—„Баринъ гулять хочетъ“, говоритъ кучеръ. Одѣли барина и повели гулять. Зашелъ баринъ въ кусты и помянулъ за собой Афоньку: „рази я тебѣ такъ говорилъ“, спрашивать онъ.—„Я, баринъ, забылъ“.—„Ну такъ помни: коли скажу—„тюкъ-тюрюрюкъ“—значить, ѣсть хочу“.—„Хорошо“. Выходитъ баринъ на дорогу и говоритъ: „тюкъ-тюрюрюкъ“.—„Чево ему надо?“ спрашивать тестъ.—„Онъ велитъ меня накормить“. Осерчалъ баринъ и крикнулъ: „врещь ты, я самъ ѣсть хочу“. Тутъ только барина и покормили.